

Галина МУХИНА

Родилась в 1939 году. Окончила исторический факультет Уральского госуниверситета, аспирантуру по кафедре новой и новейшей истории Московского государственного педагогического университета им. В.И. Ленина.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского госуниверситета им. Ф.М. Достоевского до 2017 года.

Автор трёх книг и полусотни статей по истории и культуре. Живет в Омске.

«ЕЩЕ НЕСЛЫХАННОЕ МИРОМ СЛОВО»

К 150-летию издания «Дневника писателя»

В «Дневнике писателя», который Ф.М. Достоевский начинает издавать с 1873 года сначала в журнале князя В.П. Мещерского «Гражданин», а в 1876–1881 годах как самостоятельное издание, он выдвигает идею России как великой европейской державы. Идею великодержавия (не будучи свободным от иллюзий в отношении царизма) Достоевский связывал с «нашей национальной духовной» самостоятельностью. Для него главная сущность Восточного вопроса заключалась в судьбах восточного христианства, то есть православия. Первым шагом в новой политике России должно быть единение славян под её крылом и помощь им против турок – для их «полной личной свободы и воскрешения их духа». Вплоть – до утверждения в Константинополе. Мыслитель признаёт особую славянскую цивилизацию, а основанием её – православие. Однако неизбежно противостояние с Европой, заинтересованной в опеке над славянами, чтобы настраивать их против России. И у неё есть поддержка в самой России: это «жидовствующие» (торгово-банковские круги) и «европеистствующие» (либералы и прогрессисты).

Рассуждая о новой миссии России, он выдвинул «самое спорное и самое щекотливое положение»: «Всякий великий народ верит и должен верить, если только хочет быть долго жив, что в нем-то, и только в нем одном, и заключается спасение мира, что живет он..., чтоб стоять во главе народов, приобщить их всех к себе воедино и вести их, в согласном хоре, к окончательной цели, всем им предназначенной». Примерами тому был древний Рим, католический Рим, Франция – вплоть до поражения в войне с Пруссией, Германия – под флагом протестантизма. «Благоразумные, умеренные, спокойные» народы на такой порыв не способны, ибо на прорыв нужна «энергия, самомнение», «вера

в святость своих идеалов», «в силу своей любви и жажда служения человечеству», готовность «сказать последнее слово миру». Только такая нация имеет «право на высшую жизнь» – это предчувствие созвучно открытию Льва Гумилёва о роли пассионарности народов в истории.

Достоевский по сути – гуманист-глобалист, потому что верит в «общечеловечность»: в преодоление эгоистических требований наций, в торжество всемирного братства, в стремление к общей гармонии. Ведь для него русская национальная идея есть «в конце концов, лишь всемирное общечеловеческое единение», так как у русских эта «вера всеобщая, живая, главнейшая» и «в интеллигентном мире», и в чутье простого народа.

Несомненно, такой футурологический прогноз сложился не без влияния универсализма просветительской мысли Европы, согласно которой человек – нация – человечество превратились в самостоятельные субъекты. Но его универсализм не утверждается на признании единого образа, размывании самобытности, он заключается в культурном плюрализме. Здесь ему Европа не указ, однако заявляет: «нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам второе отечество». Именно она задаёт тон культурному прогрессу, и России важно догнать её в просвещении, прежде всего – в образовании.

Для современной науки Просвещение – это сложный, многоуровневый феномен, порождённый западноевропейской цивилизацией в XVIII веке и отмеченный рационализмом и универсализмом. Разум освещает всех людей, он – свет или Просвещение. Разум противостоит вере, разум – это научный разум. Кризис европейского сознания рубежа XVII–XVIII веков являлся кризисом христианской мысли, потому что появился новый рационализм – «нехристианский», даже «антихристианский», – утверждал Пьер Шоню. Тогда слабела теология, теоцентризм заменялся антропоцентризмом. Рождалась новая концепция человека с надеждами на свободу и счастье, ключи к ним – в законодательном поле: в создании правового гражданского общества (Симона Гойяр-Фабр). Была поставлена задача – создать царство разума: реформировать старый порядок через принятие разумных законов и сделать общество правовым, свободным и счастливым. Утверждался взгляд на философский разум как высшую инстанцию в решении проблем человека – нации – человечества.

Писатель признавал заслуги европейского Просвещения, но для России предлагал другой формат. В полемике с либеральным публицистом А.Д. Градовским он выдвинул новое понимание феномена – просвещение по-русски. Частично соглашаясь с его оценками содержания европейского просвещения, писатель меняет саму парадигму. Для него просвещение – это «свет духовный, озаряющий душу, просвещающий сердце, направляющий ум и указывающий ему дорогу жизни». Он не согласен с Градовским: что нет русских источников просвещения. И пишет: «наш народ просветился уже давно, приняв в свою суть Христа и учение его», слушая в храмах молитвы и гимны. Главной школой христианства для народа считает саму его историю «бесчисленных и бесконечных страданий», когда он, «оставленный всеми, попраный всеми, работающий на всех и вся, оставался лишь с одним Христом-утешителем, которого и принял тогда в свою душу навеки и который за то спас от отчаяния его душу!» Либералам же заявлял: «не для вас пишу» и заключал: народ вместе с Христом принял и «истинное просвещение».

По его мнению, русский народ в отличие от Европы – глубоко религиозен, а западная церковь исказила образ Христов. Отсюда – вывод: «христианство нашего народа есть и должно *остаться навсегда*, самой главной и жизненной основой просвещения его!» На своём примере он показал, как от «европейского либерала», петрашевца-социалиста вновь вернулся к Христу. Не одно время изменило взгляды, главное – «возврат к народному корню», «к признанию духа народного»: когда соединился с ним в несчастье, «сам стал таким же, как он». Влияла и семья: любовь родителей, раннее знание Евангелия, посещение Кремля и соборов, чтение отцом вслух «Истории» Карамзина.

Достоевский против «европейского просвещения», считая его буржуазным по существу, так как на страже его стоят обладатели земли и пролетариев и держат народ в узде. «Зачем же нам такое просвещение?» – «Наука дело одно, а просвещение иное». У России – своё будущее: «С надеждой на народ и на силы его, может, и разовьем когда-нибудь уже в полноте, в полном сиянии и блеске это Христово просвещение наше».

С этой же позиции Достоевский спорил с Градовским, который защищал правоту Алеко, Онегина и гоголевских героев: ведь они русские люди. Писатель отвечал: да, русские, но «испорченные, от почвы оторванные», народ презирающие. Они к России высокомерны, жили «на всем готовом, то есть на мужицком труде и европейском просвещении, тоже им даром доставшемся». Все наши интеллигентные люди превратились «в праздных белоручек». И вскрывал причины этой порчи: они не тот идеал признают – ошибочный: социально-демократический, европейский. А про себя – добавлял: «Я социалист, но переменял идеал с эшафота. Великая идея Христа, выше нет». Интеллигенция призвана была образовывать народ, но по духу народ выше её – «гораздо более нашего уважает себя», гораздо глубже понимает свое достоинство.

Либералы разрывали гражданский идеал с христианством, Достоевский же признает их неделимость: «Гражданским должно быть христианство», а христианин уже поневоле является гражданином, ибо для нас христианство – в идее, а не в букве. Писатель именно народ России считал носителем свободы и «истинного братства» наций и людей, а французскую правовую формулу: «Свобода, равенство и братство» – отвергал как буржуазную. Ведь «рабство от денег» несовместимо со свободой, она – в достижении личной нравственности. Смысл равенства – в уважении, в соединении с братством, любовью, бескорыстием людей. На истинный путь встанут люди «чистые сердцем», покажут пример для других, потому что идеал гражданского устройства есть «продукт нравственного самосовершенствования единиц». Была надежда на «новый слой» интеллигенции, что формируется реформами (из разночинцев), так как революционеры: декабристы и петрашевцы – это выходцы «из барского общества», оторванные от народа.

В самом начале Русско-турецкой войны (1877–1878) Достоевский приветствовал её, как необходимую не только для освобождения братьев-славян, но и для спасения России. Он называл её народной войной, а народ наш – колоссом. Поэтому считал: для нашего преуспеяния нужно свободное и самостоятельное развитие всех других наций и братское единение с ними. Это будет «еще неслыханное миром слово». Основанием пророчества была не только славянофильская идея о величии России во главе объединенных славян, а свойство нашего братства – его прирожденность, естественность; освобождение крестьян как проявление «русской духовной силы». И прозрение Пушкина, что создал

прообраз будущего России с её всемирной отзывчивостью, указал и совершил «настоящий, сознательный поворот к народу». Наконец, образ жизни народа, его ментальность: паломничество к святым местам, любовь к рассказам про «божественное», сочувствие православным под игом иноверцев, потрясение, вызванное подъёмом освободительного движения славян.

Европе нет доверия, её достижения не обольщают. Вместе с «Московскими ведомостями» он шлёт ей проклятия: ради своих интересов она допускает зверства Турции над славянами. Правила гуманности у Европы есть, но ими спасается «всегда только самая незаметная кучка». Европе «всего дороже выгода текущая», а России – вера в «нравственность вечную», готовность защищать угнетённых – во имя цивилизации.

Он убеждён: «Нечего нам учиться у европейцев общественным идеалам, у нас свои есть» и есть люди, «жаждущие подвига». В обществе не жалуют либералов за преклонение перед европейцами. Либерал – «враг народа», его цель – переделать русского в европейца, он не верит в народ: «Какая это у него идея, где вы ее отыскали?» Ответ один – надо побороть «неверие в духовную силу народа», ибо это «неверие и во всю Россию», «незнание России».

Автор не идеализирует народ, но признаёт его способность к преображению в свой высокий час: «... вас изумит та степень свободы духа, которую проявит он перед гнетом материализма, страстей, денежной и имущественной похоти и даже перед страхом самой жесточайшей мученической смерти» («Фома Данилов, замученный русский герой»).

В «Дневнике» особо сказано о роли художественной литературы для просвещения. На первом месте – Пушкин, он признал правду народа как свою. И первый догадался, что русский человек никогда не был рабом, хоть и жил в рабстве: его Савельич – реально слуга, крепостной, но с достоинством и совсем не раб. А в Онегине с тоской «наивысше развитого русского человека своего времени» была обнаружена болезнь русской интеллигенции: оторванность её от почвы, от народа; без веры в Россию и в самое себя.

Достоевский – борец за правду. Она – высшая ценность: «выше Некрасова, выше Пушкина, выше народа, выше России, выше всего, а потому надо желать одной правды и искать ее». В центре внимания писателя – «народ наш», освобожденный «великим монаршим словом», «неопытный в новой жизни и самобытно еще не живший», делает только первые шаги нового пути. Но «освобожденного богатыря» подстерегают опасности: отчужденность интеллигенции, шаткость высших сословий, разгул пьянства. Кто будет его образовывать и спасать? Сельский учитель. А где взять учителя? Это «штука тонкая; народный, национальный учитель вырабатывается веками, держится преданиями, бесчисленным опытом». – «Люди дороже даже денег», их на рынке не купишь. В учебной реформе – «чуть не вся наша будущность». Он – за «всеобщее просвещение» и против привилегий в образовании, когда «лишь одна десятая доля людей должна получать высшее развитие», а девяти десятым суждено «оставаться во мраке». Ему хочется жить «с верой, что все наши девяносто миллионов русских... будут все, когда-нибудь, образованы, очеловечены и счастливы», что «царство мысли и свет способен водвориться у нас, в нашей России, еще скорее, может быть, чем где бы то ни было», ибо у нас и теперь никто не захочет «озверения» одной части людей ради «благополучия» другой, «изобра-

жающей собою цивилизацию, как это везде во всей Европе». Пока же предметом его критики является «так называемая классическая реформа обучения», перенятая из европейского опыта, в которой математика, латинский и греческий языки признаны «наиболее развивающимся средством, умственным и даже духовным» – в ущерб преподаванию русского языка. Нужно параллельное изучение древних языков с живым языком – «усиленно и углубленно». Тем более что высший класс «оторван от народа, то есть от живого языка». Сначала освоить родной язык, а потом – иностранный. Учиться у простонародья, учить наизусть памятники русского слова: «из летописей, былин, даже церковнославянских текстов». Ему несносен русско-французский говор: русские говорят «на неумелом мертвом языке с мертвым произношением».

В отличие от европейских стандартов Просвещения: рационализма и универсальности, Достоевский, не отрекаясь от Европы, утверждался на приоритетах православия, национального суверенитета, славянской цивилизации, всемирного братства. Он против переформатирования народа по-европейски ради укрепления национальной традиции и выполнения предназначения России в будущем переустройстве мира. Достоевский надеялся на исключительную миссию русского народа – «до соблазна национализма» (С. Н. Булгаков). Его «Дневник» являлся не только важным каналом распространения просвещения с обратной связью: перепиской с корреспондентами, он был готов стать генератором общественного мнения, чтобы отстаивать русскую идентичность и продвигать русскую идею.